Философский журнал
2026. Т. 19. № 3. С. 202–208
УДК 130.123

The Philosophy Journal
2026, Vol. 19, No. 3, pp. 202–208
DOI 10.21146/2072-0726-2026-19-3-202-208

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Д.Б. Поляков

ЛИНИИ УСКОЛЬЗАНИЯ: СЛУЧАЙ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Рец. на кн.: *Кампанья Ф.* Иные миры. Средиземноморские уроки бегства от истории / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026.

Поляков Дмитрий Борисович – кандидат философских наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы. Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, ул. 12 линия В.О., дом 13, лит. А; e-mail: poldmit89@mail.ru

Предлагаемая рецензия посвящена книге итало-британского философа Ф. Кампаньи «Иные миры. Средиземноморские уроки бегства от истории», вышедшей на русском языке в феврале 2026 г. Определяемая самим автором как практическое пособие по выживанию человека под натиском исторических сил, данная работа представляет собой хронологически последовательное, хотя и сюжетно ризоматичное повествование о переломных отрезках истории различных локаций Средиземноморья: Месопотамии, Египта, Греции, Италии, Турции и др. Внимание автора книги сосредоточено на феномене воображения, которое в травмирующие исторические периоды предстает важным ресурсом самосохранения для индивидов и сообществ, оказывающихся в пограничном состоянии между отживающей и зарождающейся эпохами. Эффектами понятого таким образом воображения становятся мифотворчество, создание религиозных или философских школ, переводческая и литературная деятельность, беженство, авантюризм и т.д. Каждый из таких эффектов, по мысли Кампаньи, продиктован неприятием довлеющей объективной реальности Истории, импульсы бегства от которой, с точки зрения рецензента, коррелируют с метафорой линий ускользания из работ Ж. Делеза и Ф. Гваттари. В рецензии также отмечается, что своим текстом автор стремится не просто рассказать о воображении, но средствами художественно-литературного языка активизировать вместе с тем и воображение читателя, благодаря чему воображение «срабатывает» с трех сторон: авторской, читательской и со стороны героев книги. Кроме того, рецензентом усматривается и вкратце обосновывается созвучие ключевых интенций «Иных миров» как минимум с двумя философскими традициями – экзистенциализмом и анархизмом. В заключительной части представлены некоторые критические замечания, связанные с недостаточным исследовательским потенциалом книги, а также неясными целевыми установками.

Ключевые слова: Средиземноморье, воображение, история, экзистенциализм, анархизм

Для цитирования: *Поляков Д.Б.* Линии ускользания: случай Средиземноморья // Философский журнал / Philosophy Journal. 2026. Т. 19. № 3. С. 202–208.

© Поляков Д.Б., 2026

«Современность, какой бы эпохой она ни датировалась, всегда идет рука об руку с потрясением основ веры и открытием присущей реальности недореальности (peu de réalité) – открытием, связанным с изобретением других реальностей»[1]. Пожалуй, эти слова Ж.-Ф. Лиотара как нельзя лучше смотрелись бы в качестве эпиграфа к рассматриваемой книге. Ее автор Ф. Кампанья (род. 1984) – итальянский философ, проживающий и работающий в Великобритании, – российскому читателю мог быть известен благодаря изданному в 2023 г. переводу небольшой работы, в которой им сводятся счеты с религиозностью современного, казалось бы, светского мира[2]. И если тот перевод увидел свет лишь через 10 лет после появления оригинала, то новая книга Кампаньи вышла на русском языке почти сразу, открыв перед читателем довольно необычное тематическое измерение – историю средиземноморского воображения.

В предисловии к русскоязычному изданию и сам автор задается вопросом о том, чем же может быть интересна подобная книга жителям иного географического ареала. Предлагаемое объяснение и интригует, и настраивает на специфическое читательское предприятие, поскольку подразумевает мыслить шире пределов одной только географии: «Средиземноморье – везде, где, несмотря на бушующие конфликты, людям все же удается стирать границы и противостоять жесткому разделению, везде, где историческая катастрофа встречается с неукротимым творческим началом человеческого воображения» (С. 9). Впрочем, уже само название, сообщающее нам об «иных мирах» и «бегстве от истории», намекает на наличие в книге некой философской метафоричности, и, вероятно, лучшей такой метафорой в заданном Кампаньей контексте как раз и являются вынесенные нами в заглавие линии ускользания, заимствованные из лексикона Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

По аналогии с тем, как Г. Марсель называл стремление к мистике бегством ввысь, мы могли бы определить описанные в книге средиземноморские линии ускользания как бегства и ввысь, и вниз, и вкривь, и вкось, и, конечно же, внутрь от генеральной ветки Истории; как *побеги*, прорастающие из этого гегемонистского стебля. Эта последняя, к слову, и сама является побегом – в обоих смыслах – от/из фундаментального хаоса существования, в который на экзистенциалистский манер оказывается заброшено все человечество, если верить завораживающему пересказу Кампаньей мифов Месопотамии и Египта. В сплетаемой автором «арабеске» сюжетов, связанных с прошлым и настоящим Средиземноморья, мы видим главным образом попытки конструирования альтернативных способов существования, тех самых иных миров, бегством в которые спасались одиночки или сообщества единомышленников от довлеющих сил неумолимой Истории в периоды ее эпохальных разломов: «Вместо того чтобы цепляться за ценности мира, уходящего в прошлое, или принимать ценности новых восходящих держав, они брали на себя смелость направляться в ту исходную точку воображения, где новые идеи и ценности можно извлечь из бесконечной виртуальности возможного» (С. 19).

---

1 *Лиотар Ж.-Ф.* Постмодерн в изложении для детей. Письма: 1982–1985. М., 2008. С. 23.

2 *Кампанья Ф.* Из ночи. Приключение: прочь от трудов и богов. Тамбов, 2023. Оригинальное название – «The Last Night: Antiwork, Atheism, Adventure».

Стоит сказать, что в случае с книгой Кампаньи воображение – это не только чисто внешний автору и читателю феномен, отслеживать трансформации которого можно из исторической или философской перспективы. В соответствии с собственным же требованием присущего литературе качества иммерсивности (погруженности, вовлеченности) Кампанья предельно, даже нарочито литературен, начиная с геологических зарисовок происхождения Средиземного моря и пересказа древних мифов и заканчивая вольной фантазией о подземном туннеле, в котором автор беседует с почившими мыслителями, учеными и писателями. Другими словами, перед нами не стандартный научный труд по истории или философии, но именно та «мягкая повествовательная субстанция», о необходимости которой говорит Кампанья применительно ко всякой научной или философской теории, не желающей быть оторванной от жизни (С. 23). Так, взявшись за генеалогию средиземноморского воображения, которое манифестировало себя в мифологических, религиозных и философских системах, а также в переводческой и литературной ипостасях, Кампанья активизирует и *наше собственное воображение*, когда погружает в перипетии своих героев, становившихся в разное время «дезертирами Истории». В результате возникает нечто вроде органичного и неразрывного сцепления как в случае с борромеевыми кольцами: воображение автора, воображение читателя и воображение героев книги в качестве главной ее темы.

«Все они – аскеты, своевольники и коммунисты – считали себя “поколением Бесцарственности”, присягнувшим на верность лишь той искре иного мира, что горела у них внутри <…> Им были чужды этот мир и его язык – они были гражданами инобытия, окутанного тайной» (С. 166). Эти слова, описывающие гностиков поздней Античности в одной из глав, применимы ко многим, если не ко всем персоналиям «Иных миров», будь то реальные исторические личности, персонажи легенд или и те и другие одновременно, как в случае с фигурой Александра Македонского – реально существовавшего полководца, мифологизированного уже при жизни.

Месопотамия, Египет, Греция, Италия, Турция – таков неполный перечень средиземноморских локаций в тексте Кампаньи. От древнегреческих киников и скептиков через гностиков, манихеев и пиратов к утопистам, революционерам и литераторам модерной эпохи и, наконец, к «нелегальным мигрантам» уже наших переломных дней – таковы узловые точки и судьбы хронологически последовательного, но сюжетно нелинейного маршрута книги. Здесь также указаны далеко не все из тех, чьи труды и дни прослеживает Кампанья, но абсолютно всех объединяет статус чужаков и беженцев, причем не столько в пространственном отношении, сколько по отношению к доминирующим и неизбежно репрессирующим нормам и представлениям. Их линии ускользания – философские школы и религиозные секты, переводческий и художественно-литературный креационизм, пространственный дрейф и политический радикализм. Их кредо – «деколонизация внутреннего мира от господствующих в обществе идей, допущений и диктата, которые пронизывают ощущение собственного “я” и ощущение реальности каждого отдельного человека» (С. 302).

Кампанья не просто симпатизирует, но солидаризируется с их порывами к бегству и субверсивными импульсами, равно как и с их неудачами, вызванными маргинальным, а подчас и криминализированным положением. Этот момент, на наш взгляд, важно подчеркнуть. Лейтмотив книги, согласно

которому в травмирующих исторических обстоятельствах воображение является единственным убежищем и ресурсом заботы о себе, способен откликнуться лишь экзистенциальной горечью и ощущением бессилия. Однако Кампанья, кажется, стремится избежать подобных эффектов, когда время от времени вводит такие парадоксальные и своеобразные формулировки, как «непобедимая капитуляция» или «практика радикального отступления» (С. 203, 261), которые – опять же, только на наш взгляд, – будто бы призваны хотя бы риторически компенсировать безнадежность альтернативных проектов и нарративов перед лицом победившей Истории. Возможно, дело заключается и в понимании того, что солидаризироваться имеет этический смысл лишь с проигравшими силами – изначально обреченными и малыми в сравнении с мощью того или иного метанарратива. В конце концов, окажись гностическое христианство господствующей религией в свое время, не оказалось ли бы оно репрессивным и исключающим дискурсом и практикой? «Даже линии ускользания – не собираются ли они, под прикрытием своего вероятного расхождения, воспроизводить формации, кои им надлежало бы разрушать или перенаправлять?»[3]

Таким образом, «Иные миры» предстают по-настоящему экзистенциалистской драмой с уже упомянутым мотивом судьбы человечества, заброшенного в хаос существования. Вместе с тем этой драме присущ и не менее экзистенциалистский мотив сопротивления такой судьбе через ее признание в качестве *общего* удела, и тогда отдельные мысли Кампаньи становятся удивительно созвучны идеям А. Камю. Так, в философском отступлении от изложения древних антропологических мифов он замечает: «Представление о наличии чего-то вроде единого “человечества”, объединяющего всех людей единой судьбы, уже само по себе выступает способом рассеять страдание отдельно взятого человека по бескрайней сети солидарности. Мы способны обратить проклятие рода человеческого в символ надежды, а из мифической тьмы своего происхождения – сделать себе знамя» (С. 53).

Наряду с экзистенциализмом нельзя не упомянуть и другую, в чем-то схожую с ним философскую, а также политическую традицию – анархизм. И хотя политически активные анархисты, пусть редко, но все же появляются перед читателем в ходе повествования, превалирующим мы могли бы назвать анархизм иного рода. В частности, все та же идея всепроникающего хаоса перекликается с концепцией онтологической анархии. Например, воображенный автором итальянский писатель и издатель Роберто Калассо (1941–2021) рассуждает о «вечном невыразимом Хаосе, простирающемся во все стороны от наших языковых бастионов» (С. 308–309), и делает он это в манере, схожей со стилистикой анархистских эссе Хаким Бея[4] – американского поэта и мыслителя, который известен своей оккультно-мистической вариацией анархизма и который, по-видимому, не случайно упоминается в книге Кампаньи[5], хотя и в другом контексте. Сама концепция онтологического анархизма была разработана именно Хаким Беем, в текстах которого

---

[3] *Делез Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. С. 23.

[4] Настоящее имя – Питер Ламборн Уилсон.

[5] Так, в анонсе открытой лекции Кампаньи, которую тот читал в Москве весной 2018 г., указано, что лектор является анархистом. URL: https://winzavod.ru/calendar/lectures/kosmogonii-tekhnika-i-magiya/ (дата обращения: 24.03.2026).

хаос подразумевает чистую потенциальность и сопряженное с ней стремление к ничем не ограниченному творчеству. Поскольку всякому творчеству сопутствует воображение, постольку и то и другое обретают чуть ли не магический статус – творчество даже в большей степени, чем социальный протест, способно взломать иллюзию порядка и навязанных им образов жизни, мышления, идентичностей и т.д. В сущности, «Иные миры» можно назвать развернутым иллюстративным материалом к онтологическому анархизму Хаким Бея, не говоря даже о том, что саботирование генеральной линии Истории, проводниками которой провозглашаются различные институты и учреждения, само по себе анархично.

В завершение следует указать на существенное и, пожалуй, самое очевидное упущение рассматриваемой книги. Написанная на стыке истории и философии, в концептуальном отношении она не дает читателю никаких новых знаний в этих областях. Говоря точнее, сам автор, мастерски собирая повествование из уже имеющихся материалов истории и философии, не проводит оригинального исследования с сопутствующими выводами, не изобретает новых концептов или методов, как и не переосмысливает старые, ограничиваясь по большому счету демонстрацией литературного таланта. Сама категория воображения, как это ни странно, ускользает от определения и анализа, хотя с философской, равно как и с психологической точки зрения ее раскрытие только укрепило бы теоретический фундамент книги или как минимум придало бы ей бóльшую научную весомость.

Наконец, финал всего повествования буквально провисает в воздухе, когда Кампанья воображает проселочную дорогу между шоссе и центром содержания мигрантов и предлагает читателям решать, что делать дальше: «Возможно, вы дождетесь подходящего момента, когда можно будет взобраться на стены и перерезать решетки камеры, а может быть, повернете назад, снова пройдете через поля и выберетесь на шоссе в стремлении к комфорту современного города» (С. 315). Тот или иной вариант действия, очевидно, должен осуществиться в воображении читателя и нигде больше, в чем, на наш взгляд, и заключается провисание в воздухе – в воздухе фантазии, если можно так выразиться. И в таком контексте уже другие слова Лиотара – о специфике философского письма – могли бы так же органично предварять «Иные миры», как и приведенные ранее: «Пишешь прежде, чем знаешь, чтó сказать и как, и чтобы узнать это, если возможно»[6]. В то время как форма высказывания вполне определена и реализована, содержательный ответ на вопрос «что сказать?» оказывается размыт. Складывается впечатление, что это понимает и сам автор, когда сводит свою роль лишь к «свету, падающему на сцену, и половицам, из которых состоят ее подмостки» (Там же).

Было бы некорректно домысливать за автора его мотивацию, но, вероятно, объяснение указанных недостатков может быть связано с неким личностным, даже интимным побуждением к написанию книги, связанным с положением самого Кампаньи как переселенца – в конце концов, не случайно во введении и на последних страницах автор погружает нас в проникнутые теплом воспоминания о своем детстве годы в Италии. И если так, то, конечно, «Иные миры» скорее могут считываться как некий процесс авторской самотерапии, чем как научное исследование. Однако даже в этом

---

6 *Лиотар Ж.-Ф.* Постмодерн в изложении для детей. С. 138.

случае привнесение большей аналитической составляющей, равно как и четкого целеполагания, лишь усилило бы эффект от прочитанного и, повторимся, придало бы ей большей академической весомости.

По определению Кампаньи, написанная им книга – это ни много ни мало «практическое пособие на тему выживания человека под натиском исторических сил» (С. 10). И если специфическое понимание автором практичности, т.е. бегство в воображение, может вызвать недоумение или скепсис, то обучающий компонент в его детище, безусловно, присутствует. В историческом своем срезе – это летопись поражений, которая учит тому, что сопротивление доминирующим силам Истории чаще всего приспосабливается к этим силам так, что в конечном счете растворяется в них без остатка. В философском же срезе – это хроника работы мысли и все того же воображения, которая демонстрирует поучительные примеры обороны субъектности от гегемонистских нарративов, притязающих на ее узурпацию. А подобные уроки необходимы во все времена и, действительно, вне зависимости от географических границ.

Список литературы

Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я.И. Свирский. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

Кампанья Ф. Из ночи. Приключение: прочь от трудов и богов / Пер. с англ. Тамбов: Ex Nord Lux, 2023.

Кампанья Ф. Иные миры. Средиземноморские уроки бегства от истории / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026.

Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Письма: 1982–1985 / Пер. с фр. А.В. Гараджа. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008.

Lines of flight: Mediterranean's case

Book review: Campagna, F. *Inye miry. Sredizemnomorskie uroki begstva ot istorii* [Otherworlds: Mediterranean Lessons on Escaping History], transl. by N. Procenko. Moscow: Ad Marginem Press, 2026. (In Russian)

Dmitry B. Polyakov

Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. 13, 12 Vasilyevsky Island line Str., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation; e-mail: poldmit89@mail.ru

This review is dedicated to the book *Otherworlds: Mediterranean Lessons on Escaping History* by the Italian-British philosopher F. Campagna, published in Russian in February 2026. Defined by the author himself as a practical guide to human survival under the pressure of historical forces, this work presents a chronologically consistent, albeit rhizomatic narrative about turning points in the history of various locations in the Mediterranean: Mesopotamia, Egypt, Greece, Italy, Turkey, etc. The author focuses on the phenomenon of imagination, which, during traumatic historical periods, becomes an important resource for self-preservation for individuals and communities caught in a liminal state between dying and emerging eras. Understood in this way, the effects of imagination include mythmaking, the creation of religious or philosophical schools, translation and literary activity, exile, adventurism, and so on. Each of these effects, according to Campagna, is dictated by a rejection of the dominant objective reality of History, impulses

to flee from which, in the reviewer's view, correlate with the metaphor of lines of flight taken from the works of G. Deleuze and F. Guattari. The review also notes that the author's text seeks not only to talk about imagination, but also to activate the reader's imagination through the use of literary language, thereby activating imagination on three fronts: the author's, the reader's, and the book's characters'. Furthermore, the reviewer discerns and briefly substantiates the consonance of the key intentions of *Otherworlds* with at least two philosophical traditions – existentialism and anarchism. The final section presents some critical remarks related to the book's insufficient research potential and unclear aims.

Keywords: Mediterranean, imagination, history, existentialism, anarchism

For citation: Polyakov, D.B. "Linii uskol'zaniya: sluchai Sredizemnomor'ya" [Lines of flight: Mediterranean's case [Book review]], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2026, Vol. 19, No. 3, pp. 202–208. (In Russian)

References

Campagna, F. *Iz nochi. Priklyuchenie: proch' ot trudov i bogov* [The Last Night: Antiwork, Atheism, Adventure]. Tambov: Ex Nord Lux Publ., 2023. (In Russian)

Campagna, F. *Inye miry. Sredizemnomorskie uroki begstva ot istorii* [Otherworlds: Mediterranean Lessons on Escaping History], transl. by N. Procenko. Moscow: Ad Marginem Press, 2026. (In Russian)

Deleuze, G. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia], transl. by Ya.I. Svirskii. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; Moscow: Astrel' Publ., 2010. (In Russian)

Lyotard, J.-F. *Postmodern v izlozhenii dlya detei. Pis'ma: 1982–1985* [The Postmodern explained to children. Correspondence: 1982–1985], transl. by A.V. Garadzha. Moscow: RSUH Publ., 2008. (In Russian)